

ЭТНОНИМИЧЕСКИЕ ПРОЗВИЩА ЖИТЕЛЕЙ ВОДСКОЙ ПЯТИНЫ В КОНЦЕ XV ВЕКА: ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: главным источником антропонимических данных применительно к Новгородской земле конца XV в. являются писцовые книги. Содержащийся в них антропонимический материал с этноисторической точки зрения пока недооценен. Особую категорию древнерусских антропонимов составляют прозвища, образованные от этнонимов, обозначающих прибалтийско-финские этнические

группы. Появление отэтнонимических прозвищ указывает на то, что данные прозвища имели не только территориальное значение, но и указывали на этническую принадлежность их носителей.

Ключевые слова: Новгородская земля, Водская пятина, писцовые книги, антропонимия, прозвища, прибалтийско-финские народы.

Территория Водской пятины тесно связана с различными прибалтийско-финскими этническими группами — карелами, ижорой и водью. История Новгородской земли конца XV столетия привлекала внимание исследователей главным образом в её социально-экономическом аспекте. Это связано с тем, что концом XV в. датируются новгородские писцовые книги. Хотя их ценность с точки зрения социально-экономической истории не подлежит сомнению, содержащийся в них колоссальный антропонимический материал с этноисторической точки зрения пока недооценен.

Особую категорию древнерусских антропонимов составляют прозвища, образованные от этнонимов, обозначающих прибалтийско-финские этнические груп-

пы. Среди ученых — как лингвистов, так и историков — отсутствует консенсус относительно значения отэтнонимических именованных, поскольку последние могли использоваться в территориальном контексте. В настоящей статье предлагается комплексный анализ данных о носителях вышеназванных прозвищ на территории Водской пятины с целью выяснить особенности функционирования этих прозвищ.

Значение древнерусских отэтнонимических прозвищ продолжает оставаться предметом дискуссии. В прозвище *Корелянин* А.И. Попов и А.И. Сакса видели указание на место рождения и/или жительства носителя прозвища, то есть Корельский уезд¹. К этой точке зрения

¹ Попов А.И. Следы времён минувших: Из истории географических названий Ленинградской,

присоединился А.Г. Новожилов, однако остается непонятной его бездоказательность в некоторых суждениях о прозвищах: так, прозвище «*Корелянин* обозначает не представителя карельского этноса, а переселенца из Корельского уезда»; прозвище *Лопин* автор связывает по неизвестным причинам с волостью Лопшой, а не с Лопским погостом. Количественный анализ прозвищ, зафиксированных в писцовой книге Водской пятины 1499/1500 г., позволил А.Г. Новожилову сделать вывод, что наиболее крупными этническими группами прибалтийско-финского населения Новгородской земли были *Чудины* и *Ижеряне*².

А. Е. Рябинин пришел к выводу, что появление подобных прозвищ с этнонимической основой (в частности, *Чудин* и *Ижерянин*) связано с подселением представителей определенного этноса в города или деревни с иным ведущим этносом. От этнонимические прозвища появлялись внутри неоднородных по этническому составу областей и поселений. По данным Е.А. Рябины, прозвища *Чудин* и *Ижерянин* часто встречаются в «чудских» погостах, где локализуется значительное число прибалтийско-финских памятников³.

Псковской и Новгородской областей. Л., 1981; Сакса А.И. Карелы в системе международной торговли в Восточной Прибалтике в Средние века // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. СПб., 2007.

² Новожилов А.Г. Этническая ситуация на Северо-Западе Новгородской земли в XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. № 1–2. 2004. С. 86–90.

³ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских культурных связей: Историко-археологический очерк. СПб., 1997. С. 42–44.

Содержание прозвища *Чудин* исследователи интерпретируют по-разному: с одной стороны, *Чудином* мог быть вожанин, житель погоста «в чуди», где присутствовали водские археологические памятники и водское население, сохранившее свое самоназвание и свой язык до XVIII в., с другой — это мог быть вепс и даже эст⁴. По мнению О.И. Коньковой, под этнонимом «чудь» фигурирует сложное по этническому составу водско-ижорское население, что подтверждается смешанным характером памятников погостов «в чуди»⁵.

Как этническую, так и территориальную принадлежность индивида можно усматривать в прозвище *Ижерянин*⁶. Как показал М. Войтович, значение прозвища не дает возможности точно определить, какие конкретные признаки и ассоциации послужили мотивами возникновения определенного индивидуального прозвища. Поэтому трактовка от этнонимических прозвищ как этнической принадлежности именуемого является вполне возможной, очень вероятной, хотя и не единственной⁷. Таким образом, неоднозначность трактовок древнерусских от этнонимических прозвищ тре-

⁴ Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 347, 559.

⁵ Конькова О.И. Ижора: Очерки истории и культуры. СПб., 2009. С. 59.

⁶ Верховцев Д.В. Ускользящий этноним: ижора в письменных источниках // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Сб. статей. СПб., 2016. С. 72; Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010. С. 195.

⁷ Войтович М. Древнерусская антропонимия XIV–XV вв.: Северо-Восточная Русь. Poznan, 1986. С. 67.

бует специального обращения к данной проблеме⁸.

Главным источником антропонимических данных применительно к Водской пятине конца XV в. является Писцовая книга великокняжеских, церковных, помещичьих и своеземческих земель 1499 / 1500 г., которая сохранилась довольно полно, хотя издатели иногда неправильно определяли порядок печати отдельных листов. Кроме того, весьма многочисленны ошибки текста, неговоренные приписки, а также неверно прочитанные слова⁹.

Изучение содержания древнерусских этнонимических прозвищ невозможно без исследования общего прибалтийско-финского топонимического и антропонимического контекста, отразившегося в писцовых книгах Новгородской земли. Дескриптивный метод состоит в выявлении и фиксации прибалтийско-финских ойконимов (названий сельских поселений) и антропонимов, упоминаемых в писцовой книге. Отмечены различные типы прибалтийско-финских ойконимов. В основе «вторичных», или локативных ойконимов находились названия физико-географических объектов, распространившиеся на образованные при них поселения (*деревня в Лахте* и др.). Особое место занимают наименования поселений,

образованные посредством онимизации локальных физико-географических терминов, отражающих характер местности. В этой группе ойконимов находятся названия, восходящие к финноязычным географическим терминам и / или имеющие их в своей структуре: *Мягисела* (mägi «гора»), *Сарь* (saari «остров») и др. Кроме того, в работе уделяется внимание неславянским ойконимам, образованным от прибалтийско-финских некалендарных имен (*Игалово*, *Лембитово*) и календарных антропонимов в неславянской форме (*Таруево*, *Митчуево*, *Силуево* и т. п.). Отмечались ойконимы, в структуре которых находится прибалтийско-финский *-l*-овый формант (*Кургала*, *Кавгала*, *Вихкала* и др.).

Прибалтийско-финские антропонимы выявлены на основе анализа формальных показателей заимствования антропонимов. Формальными показателями являются: 1) фонетический маркер — сочетание звуков, не характерных для русской звуковой системы и 2) структурный маркер — формант *-уй* (*-ой*, *-ей*, *-ий*), отмеченный в составе личного имени или патронима, например: *Meloi*, *Romoi*. Среди неславянских антропонимов особую группу составляют древние некалендарные имена прибалтийско-финского происхождения, такие как *Виктуй* / *Вухтуй* (*Vihtoï*), *Игала* (*Iha*, *Ihala*), *Лембум* (*Lemmity* / *Lemmetti*), *Ускал* (*Uskali*), *Товвод* (*Toivottu*). Записанные в новгородских писцовых книгах прибалтийско-финские антропонимы фиксировались и изменялись в соответствии с русской антропонимической формой рубежа XV–XVI вв.

Ареальный метод позволяет определить географию функционирования прибалтийско-финских географических на-

⁸ Подробнее см.: Чибисов Б.И. Дискуссии об информативных возможностях антропонимии для исследования этнической истории Древней Руси // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 6. СПб.-Казань, 2016. С. 453–462.

⁹ НПК. СПб., 1868. Т. 3; Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851.

званий и имен. Количественный метод состоит в подсчете абсолютного числа топонимов прибалтийско-финского происхождения, а также жителей с неславянскими именами; определяется их доля в общем числе записанных жителей того или иного погоста. Относительные показатели играют важную роль: они позволяют проследить соотношение славянских и неславянских антропонимов и топонимов; это соотношение, в свою очередь, иллюстрирует тенденции этнокультурных взаимоотношений¹⁰.

В писцовой книге Водской пятины 1499/1500 г. встречаются различные этнонимические прозвища, связанные с прибалтийско-финскими этническими группами, а именно: *Чудин*, *Ижерянин*, *Корелянин*, *Лопин*, *Вошко*. Прозвище *Чудин* концентрируется главным образом на территориях «чудских» погостов. А.Г. Новожилов отметил присутствие этого прозвища в Каргальском, Толдожском и Ополецком погостах, а также в Ямском окологородье¹¹. Однако это требует уточнения: писцовая книга вовсе не фиксирует *Чудинов* в Ополецком погосте; вместе с тем, в городе Яма были записаны два человека с прозвищем *Чудин*. В Заверяжье и Кречневском погосте проживало по одному носителю этого прозвища¹².

В Ямском уезде насчитывается 11 человек с прозвищем *Чудин*. Из них 5 проживали в Ямском окологородье, 4 — в

¹⁰ Подробнее см.: Чибисов Б.И. Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 9–10.

¹¹ Новожилов А.Г. Этническая ситуация на Северо-Западе Новгородской земли в XV–XVI вв. С. 85.

¹² НПК. Т. 3. Стб. 24, 229.

Толдожском погосте «в чуди», 2 — в самом городе Яма. Меньше носителей этого прозвища находилось в Копорском уезде — 6 человек. Все они проживали на территории Каргальского погоста. В Новгородском уезде зафиксированы всего 2 носителя этого прозвища. В Ладожском, Ореховском и Корельском уездах прозвище *Чудин* отсутствует.

Значение прозвища *Чудин* проясняется на конкретных примерах. Обращает на себя внимание упоминание в Толдожском погосте «*Юречи Чудина*, домника». В его прозвище можно усматривать указание на этническую принадлежность, если учитывать то, что его сын (*Игала Юречин*) назван древним прибалтийско-финским именем *Ihala*. В Толдожском погосте записаны еще 3 носителя прозвища *Чудин*: среди них *Вишуй Чудин* являлся носителем прибалтийско-финского личного имени, остальные проживали в «сельце» с прибалтийско-финским названием *Рудъела Старая* в окружении соседей, также носивших прибалтийско-финские имена («*Тимуй Савин... да брат Тимуев Гридка, Емельяно Чюдин, Ермолка Тошов, Ивашко Чюдин*»)¹³. В целом носители прибалтийско-финских антропонимов (99 человек) составляли 20 % от общего числа записанных «людей» Толдожского погоста.

Данные археологических исследований 1980-х — 2000-х гг. коррелируют с показаниями писцовых книг. Исследования могильников, проведенные О. И. Коньковой, подтверждают значительное присутствие воды в «чудских» погостах¹⁴.

¹³ Там же. Стб. 909, 929, 932.

¹⁴ Конькова О.И. Водь: Очерки истории и культуры. СПб., 2009. С. 38.

Е.А. Рябинин на обширном археологическом материале показал, что именно на территории «чудских» погостов были обнаружены собственно водские средневековые погребения — бескурганные могильники с набором типичных водских предметов¹⁵. Раскопки у д. Войносолово (село *Войносола* Толдожского погоста) позволили выявить не менее 138 захоронений XIII–XV вв.¹⁶ Анализ средневековых захоронений в Толдожском и Ополецком погостах позволил Е. А. Рябинину утверждать, что население «чудских» погостов сохранило своеобразный этнический облик материальной культуры и специфические черты погребально-обрядового обряда. Возможно, в этот «чудской» анклав входила западная часть Каргальского погоста¹⁷.

Таким образом, на основании данных ономастики и археологии можно предположить, что в Толдожском погосте носители прозвища *Чудин* принадлежали к «чудской» (водской) прибалтийско-финской общности.

Показательны прозвища в Каргальском погосте. Здесь *Чудины* либо сами имеют некалендарное имя, либо проживают в окружении носителей таких имен. Например: «селцо Прикупля: дв. *Тошуй* Лентиев, дв. *Савка Мелтиев*, дв. *Онашка Тойвалов*, дв. *Игамас Чудин*», «селцо Нежново, на реце на Систе: дв. *Иллуй*

¹⁵ Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований, 1971–1991 гг.). СПб., 2001. С. 71–74.

¹⁶ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских культурных связей: Историко-археологический очерк. С. 43.

¹⁷ Конькова О.И. Водь: Очерки истории и культуры. С. 38.

Дмитров, дв. Федко *Игамов*, дв. Игнат *Игамов*, дв. *Яшко Чудин*, дв. *Васко Игандуев*, дв. *Фомка Ивуев*, *Стехно Ивуев*, *Дементий Игандов*», «селцо Вотской Конец: дв. *Игалко* Олешков, дв. *Андрейко Вихтуев* да сын его *Васко*, дв. *Ивашко* Игнатов да сын его *Игалко*, дв. *Ивашко Чудин* да сын его *Исачко*»¹⁸. Примечательно, что Каргальский погост является анклавом прибалтийско-финской антропонимии и ойконимии. Здесь было зафиксировано 110 носителей прибалтийско-финских антропонимов (13 %). По абсолютным показателям численность жителей, записанных в Каргальском погосте и нареченных неславянскими антропонимами, является максимальной на территории всей Водской пятины. Что касается ойконимии, то деревни Каргальского погоста с прибалтийско-финскими названиями в общей сложности составляли 21 % от 87 деревень погоста¹⁹.

Тойват Чудин из Ямского околородья был носителем древнего прибалтийско-финского имени *Toivottu*, а его прозвище могло быть уточнителем этнической принадлежности. Неслучайно он проживал в одном дворе с *Ондрейкой Вилло*, по-видимому, вожанином. В Ямском околородье некоторые *Чудины* проживали по соседству с носителями прибалтийско-финских имен, например: «деревня *Стехнов Котел*: дв. Федко *Каубин*, дв. *Ивашко Каубин*, сын его *Онкиф*, *Юшка Каубин*, *Куземка Чудин*, сын его *Власко*, *Захарко Лембитов*, *Стехно Улика Тойвуттов*, *Ондрейка Игамасов*, сын его *Лучка*, *Лембик Толжанин*», «д. *Орел на Лузе*: дв. *Ивашко* и *Андрейко Чудины*, *Игалмас*

¹⁸ НПК. Т. 3. Стб. 508, 514, 521.

¹⁹ Там же. Стб. 496–551.

Осташов, Петрок да Васко *Вышшуевы*, Степанко *Игалтасов*, сын его Федко»²⁰.

География прозвища *Чудин* такова: это Сойкинский полуостров, район городов Ямы и Копорья, долина реки Сисы, на нижней Луге и в верховьях реки Вальи. Именно на этих территориях концентрировалась прибалтийско-финская антропонимия и ойконимия; там же выявлены комплексы захоронений с водскими предметами. Таким образом, в *Чудинах* можно усматривать представителей воды.

Крупная группа этнонимических прозвищ представлена антропонимом *Ижерянин*. Как известно, «Ижорская земля» отчасти охватывала территорию Приневья, где в ряде погостов встречаются ареалы концентрации прибалтийско-финского ономастикона — это, прежде всего, Ижорский и Дудоровский погосты. В этом смысле под «Ижорской землей» можно понимать не просто географическую область — долину реки Ижоры, — но и регион со специфическим этническим элементом, представленным, прежде всего, ижорой. Подсчеты количества этих прозвищ, проведенные исследователями, различаются. А.Г. Новожилов в целом отмечает 14 прозвищ в Водской пятине, привязывая их к географическим объектам²¹. О.И. Конькова, напротив, фиксирует прозвища в поселениях и погостах, но ни приводит общего количества прозвищ, ни привязывает их к географическим объектам²².

Наибольшая в количественном отношении группа *Ижерян* (6 человек) на-

²⁰ Там же. Стб. 890–891.

²¹ Новожилов А.Г. Этническая ситуация на Северо-Западе Новгородской земли в XV–XVI вв. С. 88.

²² Конькова О.И. Ижора: Очерки истории и культуры. С. 56.

блюдается на территории Каргальского погоста Копорского уезда, располагавшегося в долине реки Сисы и на Сойкинском полуострове. В этом же погосте записаны деревни *Изори у монастыря* (1) и *Изоринское* (2)²³. Названия этих деревень, возможно, восходят к этнониму «ижора». Необходимо разделить эти ойконимы с названием *Изорники*, которое, вероятно, имеет не этническую, а социальную природу. Меньше *Ижерян* (4) зафиксировано в Городенском погосте Новгородского уезда — на юге Водской пятины. Отмечены носители прозвища в верховьях реки Коваши в Дятелинском погосте (1) и в долине Ижоры в Кипенском погосте (2). По одному прозвищу встречается в Солецком, Тигодском, Гдитцком и Будковском погостах Новгородского уезда. В Будковском погосте записаны 3 деревни с названием *Изори*²⁴. Некоторые носители прозвища *Ижерянин* имели некалендарное прибалтийско-финское имя, например: «В дер. в Домницах: дв. Пантелейко *Иртов*, ...*Иголка Ижерянин*», ««д. Заозерье: *Игнатко да Ригуй Ижеряне*»²⁵.

Картографирование прозвищной антропонимии писцовых книг иллюстрирует предположительную границу проживания *Ижерян*: это бассейны рек на юго-восточном побережье Финского залива, а также южные притоки Невы. В административном отношении граница условно была очерчена Ижорским, Дудоровским и Ярвосо́льским погостами — они составляли анклав неславянской антропонимии и ойконимии, а также ижорских древностей. Так, в Дудоровском погосте, распо-

²³ НПК. Т. 3. Стб. 527, 548, 551.

²⁴ Там же. Стб. 301, 322, 325.

²⁵ Там же. Стб. 387, 550.

лагавшемся на побережье Финского залива, насчитывается 56 ойконимов, имеющих отчетливые прибалтийско-финские корни: они составляют около 40 % от всех ойконимов Дудоровского погоста. Среди наиболее распространенных названий поселений — ойконимы на *-la* (*Витала*, *Покола*, *Сатула* и др.). Многочисленны названия, образованные от антропонимов: *Мохкуево*, *Тоивалово*, *Пелгуево*, *Артуево* и др.²⁶ В этом же погосте записано 54 человека с прибалтийско-финскими антропонимами (8,5 %); из них 19 человек носили личное некалендарное имя финноязычного происхождения (среди них — *Игалко*, *Ускалко*, *Лембит*, *Кавит*, *Куллят*, *Исамель*).

В Ижорском погосте зафиксировано 114 ойконимов с прибалтийско-финскими корнями — многие из них имеют в своей структуре неславянские антропонимы и / или формант *-l*. В совокупности такие названия составляют 31 % от 364 ойконимов Ижорского погоста²⁷. В переписи жителей Ижорского погоста встречается 44 человека с финноязычными антропонимами (4 %), из которых 24 имели личное некалендарное имя. Некоторые из них неоднократно повторялись: *Игола* (12), *Тоив* (3), *Лембит* (2), *Ускал* (1). В этом смысле антропонимикона Дудоровского и Ижорского погостов практически идентичны по своему составу.

Прибалтийско-финская антропонимия фиксируется и в других погостах, где были отмечены *Ижеряне*, а именно в Дятлинском (19 человек; 6,3 %) и Кипенском (16 человек; 4 %) погостах. Личные име-

на встречаются в виде распространенных в финноязычной среде имен — *Игалко*, *Игамас*, *Лембит*, *Тойвут*. Имеются также отдельные неславянские ойконимы.

Присутствие неславянского населения в южном Приневье и на Ижорском плато подтверждается археологически. Ещё в XIII в. бассейн реки Ижоры был занят ижорой, которая затем начинает продвигаться к западу, в сторону Ижорского плато. Исследования В.В. Седова, Е.А. Рябинина и О.И. Коньковой показали, что неславянские могильники, располагавшиеся в бассейнах рек Ижоры и Невы, на Ижорском плато, можно считать ижорскими²⁸. Средневековые ижорские захоронения присутствуют в Ижорском, Дудоровском и Кипенском погостах²⁹. Таким образом, есть основания считать *Ижерян* представителями ижоры.

Однако говорить о твердых этнических границах на основании письменных источников невозможно. В этой связи интересна ситуация, например, на территории Кургальского погоста: здесь помимо 7 прозвищ *Чюдин* писцы отметили 6 прозвищ *Ижерянин*. Особенность состоит в компактном и одновременно чересполосном расположении представителей разных этнических групп: «селцо Прикупля: дв. *Игамас Чюдин*», «селцо Заполье Воблучье: дв. *Стехно Чюдин*», «село Воронкино: дв. *Игнатко Чюдин*», «селцо

²⁶ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года. С. 289–340.

²⁷ Там же. С. 342–430.

²⁸ Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // Советская археология. 1953. № 18. С. 196.

²⁹ Конькова О.И. Ижора: Очерки истории и культуры. С. 41; Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских культурных связей: Историко-археологический очерк. С. 74.

Нежново: дв. *Яшко Чюдин*», «селцо Ур-мизно: дв. *Олекса Ижерянин*, дв. *Царко Ижерянин*», «селцо *Вотской Конец*: дв. *Ивашко Чюдин* да сын его *Исачко*», «селцо на Сипиных горах у моря: дв. *Тараско Чюдин*... *Ивашко Ижерянин*... дв. *Остахно Ижерянин*», «д. Заозерье: *Игнатко да Ригуй Ижеряне*». По-видимому, здесь наблюдалось размывание этнических границ ижоры, в пользу чего говорит использование прозвищ *Чюдин* и *Ижерянин*. Примечательно также, что *Ивашко Чюдин* с сыном проживали в сельце *Вотской Конец*, что еще раз позволяет связать прозвище *Чюдин* с водью.

В 1534 г. архиепископ Новгородский Макарий написал грамоту духовенству Водской пятины «въ Чудь, въ Толдожский погостъ, и въ Ижорский погостъ, и в Дудоровский погост, и въ Замошский погостъ, и въ Егорьевский погостъ, и въ Ополецкий погостъ, и въ Кипенский погостъ». В 1548 г. архиепископ Феодосий написал аналогичную грамоту «въ Чюдь, въ Толдожский погостъ, и въ Ижеру, въ Каргальский погостъ, и въ Ижерский погост, и въ Дудоровский погост... и въ Спаской погостъ въ Зарецкой»³⁰. Важно то, что «чудь» здесь по смыслу привязывается к Толдожскому погосту, а ижора — к Каргальскому, Ижорскому, Дудоровскому и иным погостам, где концентрируется прибалтийско-финская антропонимия и ойконимия. Архиепископы Макарий и Феодосий акцентировали внимание в своих посланиях на сохранении языческих традиций в перечисленных погостах, призывая духовенство к тому, чтобы «молбища везде отнюдь въ конецъ истреблении и попраны были». Видимо, эти языческие традиции

непосредственно связаны с их носителями — водью и ижорой.

Нельзя полностью согласиться с точкой зрения Е.А. Рябина, который утверждал, что само появление прозвищ с этнонимической основой связано с подселением отдельных представителей чуди или ижоры в деревни с иным ведущим этносом³¹. Эта точка зрения имеет широкое распространение среди исследователей этнической истории Новгородской земли, хотя и претерпевает некоторые поправки³².

Во-первых, на основании одной прибалтийско-финской антропонимии невозможно сделать вывод о преобладании той или иной этнической группы на территории поселения из-за сходства антропонимов. Здесь достаточно сравнить антропонимикону «чудских», «ижорских» и «карельских» погостов. Они имеют сходства в перечне имен, поскольку основаны на древних прибалтийско-финских именах и на адаптированных в прибалтийско-финских языках календарных антропонимах. Их носителями были разные этнические группы — водь, ижора, карелы. «Этническая идентификация» территорий становится возможной благодаря археологическому материалу, взятому из конкретных погостов.

Во-вторых, со стороны исследователей нет объяснения тому факту, что прозвище *Чюдин* встречается в Толдожском «чудском» погосте, где не зафиксированы иные

³¹ *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских культурных связей: Историко-археологический очерк. С. 42.

³² *Конькова О.И.* Водь: Очерки истории и культуры С. 39; *Новожилов А.Г.* Этническая ситуация на Северо-Западе Новгородской земли в XV–XVI вв. С. 86.

³⁰ ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. С. 27, 57.

от этнонимических прозвища. Для примера можно привести описание ряда поселений: «селцо Рудьела Старая: дв. Тимуй Савин... Емельяно *Чюдин*, Ермолка Тощов, Ивашко *Чюдин*, дети его Ивашко да Кирилко», «деревня над озером над Валгомом: дв. Юреча *Чюдин*, сын Петруша, домники, Игала Юречин», «д. Лужыцы: дв. Вишуй *Чюдин*»³³. Наличие прозвищ у некоторых жителей погоста можно объяснить, с одной стороны, усилением роли календарного антропонимикона в Водской пятине и, с другой стороны, желанием и / или необходимостью идентификации (в том числе и самоидентификации) человека как представителя определенной этнической группы. Поэтому сложно говорить об использовании прозвищ в ситуации, когда одна этническая группа преобладает над другой. Достаточно указать на то, что этническая неоднородность отдельных поселений являлась серьезным основанием для появления этнических прозвищ.

С водской группой прибалтийско-финского населения северо-запада Новгородской земли можно косвенно связать прозвище *Вожко / Вошко*, т. е. «вожанин». Такое значение прозвища следует не только из его бытования в Водской пятине. В грамоте архиепископа Макария говорится о языческих традициях «въ Чюди, и въ Ижере, и въ Вошкехъ». Архиепископ Феодосий написал аналогичную грамоту «въ Чудь, и въ Ижеру, и въ Вошки»³⁴. За термином *Вошки* можно видеть этническую группу — водь.

А.Г. Новожилов указывал на одного «вожанина» — *Ивашко Вошко* из Озерецкого погоста. Между тем, антропоним встре-

чается также в Егорьевском Лужском (2) и Коломенском погосте (1)³⁵. По косвенным данным А. г. Новожилов располагал территорию проживания «вожан» в Зарецком погосте³⁶, но эти выводы базируются на более поздних текстах — посланиях в Водскую землю архиепископов Макария и Феодосия. Послания не содержат прямой информации о территории проживания води. Вряд ли возможно с точностью локализовать район проживания води по материалам письменных источников. Антропоним *Вожко / Вошко* может указывать лишь на проживание *Вожан* в иноэтничной среде.

Носители прозвища *Корелянин* фиксируются в погостах, находящихся неподалеку от Великого Новгорода — в Будковском (1), Гдитцком (2) и Лужском (2) погостах Новгородского уезда. Видимо, *Корелянин* — это адаптированное в древнерусском языке оригинальное этническое название *Karjalaine*³⁷. В писцовых книгах и актах встречаются носители прозвища *Корелянин*, имеющие исключительно календарные имена в славянской форме, что затрудняет этническую идентификацию. Однако единственный случай, когда *Корелянин* имел календарное имя в прибалтийско-финской форме — это *Олфуй Юрьев Корелянин*. *Олфуй* в 50–60-х гг. XV в. был представителем местной карельской знати («корельских детей») и владел землей в «Корелской земли, промежю пятью родь корелскихъ детей»³⁸. К какому имен-

³⁵ НПК. Т. 3. Стб. 30, 44, 469.

³⁶ Новожилов А.Г. Этническая ситуация на Северо-Западе Новгородской земли в XV–XVI вв. С. 88.

³⁷ Соболев А.И. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. № 1 (18). 2015. С. 50.

³⁸ ГВНП. М.; Л., 1949. С. 299.

³³ НПК. Т. 3. Стб. 909, 929.

³⁴ ДАИ. Т. 1. С. 29, 57.

но роду корельских детей относился *Олфуй* — неизвестно, но, очевидно, он был карелом. Важно также отметить, что Корельский уезд Водской пятины имел значительный антропонимический и топонимический пласт прибалтийско-финского происхождения, что свидетельствует об освоении данной территории карелами. Об этом же говорят данные археологических исследований Корельской земли в период XI–XV вв.³⁹

В северном Приневье *Кореляне* отмечены в Куйвашском погосте (2). Куйвашский погост непосредственно граничил с Корельским уездом, который, как было показано выше, имел свою этническую специфику. По этой причине носители прозвища *Корелянин* вполне могли быть карелами. Географическое положение Корельского уезда создавало благоприятные условия для миграций карелов на юг, в Ореховский уезд. На территории Карельского перешейка мало возвышенных, пригодных для земледелия участков. Из Корельского уезда, который был густозаселенным регионом, шел отток населения на юг, в долину Невы — также заселенные территории, но обладавшие более высоким хозяйственным потенциалом по сравнению с Карельским перешейком⁴⁰.

В южном Приладожье в конце XV в. отмечены немногочисленные представители саамов. Об этом косвенно говорит название *Лопского* погоста, а также про-

звище *Лопин*. Прозвище *Лопин* первый раз упоминается в Лопском погосте Ореховского уезда (*Поташ Лопин*), второй — в Городенском погосте Ладожского уезда (*Гурейко Лопин*). Прозвища вряд ли являются указанием на принадлежность их носителей административной единице — Лопскому погосту. Сложно также непосредственно связать прозвище *Лопин* с волостью Лопцой, тем более это мнение никак не подтверждено аргументацией⁴¹. Более вероятно, что прозвание *Лопин* восходит к этническому наименованию «лопь», обозначавшему саамов⁴². Таким образом, район фиксации *Лопинов* — южное побережье Ладожского озера. Можно согласиться с А. И. Поповым в том, что название Лопского погоста — это, скорее всего, фиксация исторической памяти о саамском населении, некогда проживавшем в южном Приладожье.

Более ранние источники отмечают *Лопинов* в районе Сайменских озер в северо-западном Приладожье. В берестяной грамоте № 249 (1380-е – 1390-е гг.) присутствуют сообщения о нескольких разновременных грабительских нападениях со шведской стороны на карельских торговцев и рыбаков: «оу питина с(ы)на оу игале и оу миките третьего л[е](та)... на 14 рубле микулинь ч(е)л(о)в(е)къ стен[ь] на... коневыхъ водахъ оу жабия носа оуби(ле оу) нась... вуева с(ы)на и кавкагалу | а оузяле товара на 10 [рубле]въ | киреевь с(ы)но и новзе лопинь лоне оу гювиева с(ы)на оу того жь жябея носа приехавше

³⁹ Прибалтийско-финские народы России. С. 168–172; Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010.

⁴⁰ Новожилов А.Г. Этническая ситуация на Северо-Западе Новгородской земли в XV–XVI вв. С. 71.

⁴¹ Там же. С. 86.

⁴² Чибисов Б.И. «Лопское» население Новгородской земли в XV — первой трети XVI века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. № 4. 2018. С. 26–35.

севилакшане 8 ч(е)л(о)в(е)к взяле товара на 5 рублевъ и лотку | на тых жь коневыхъ водахъ оу мундуя оу вармина с(ы)на взяле 10 лендомъ рыбь»⁴³. Упомянутые в грамоте *Игала Путин сын, Кавкагала*, некий *Гювиев сын* и *Мундуй Вармин сын* носили карельские имена. Место их проживания косвенно устанавливается исходя из гидронима *Коневы Воды*. *Коневы Воды* — это калька с прибалтийско-финского гидронима *Оривеси*, который означал озеро на территории Иломанского погоста Корельского уезда. Озеро *Оривеси* входило в систему Сайменских озер⁴⁴. Среди нападавших упомянуты не только жители шведского погоста Саволак («севилакшане»), но и некто *Новзе лопин*, который был, видимо, саамом.

Появление прозвищ «этнического» характера (особенно в Новгородском уезде) можно теоретически связывать с миграциями населения и поселением в иноэтнических местах. Миграционные процессы в Водской пятине были обеспечены наличием здесь густой и разветвленной сети дорог, пригодных как для передвижения больших масс людей, так и перемещения грузов в летнее и зимнее время⁴⁵. К 1500 г. уже действовала Ореховская дорога, которая совпадала с Ивангородской дорогой на протяжении пути от Новгорода до Лусского яма и затем продолжалась далее на север под названием

Корельской⁴⁶. Корельская дорога соединяла Орешек и Корелу. Первые сведения о Корельской дороге относятся к 1539 г., однако, по мнению А.А. Селина, ямская служба была установлена на ней гораздо раньше. Существовал также водный и санный путь из Новгорода в Ладогу и обратно. Этот участок известен как одна из частей «пути из варяг в греки». Волхов представлял собой наиболее прямую и короткую магистраль, связывавшую эти два города. Сухопутная дорога вдоль левого берега Волхова появилась лишь в XVI в.⁴⁷

Причиной внутренних миграций славян, води и ижоры могли быть природно-климатические изменения, например — засуха. Между 1484 г. и 1498 гг. было две крупные засухи. Первая относится к 1485 г. и упоминается во Пскове⁴⁸. Засушливыми были 1486, 1488 и 1491 гг. После перерыва засуха возобновилась в 1499 г.⁴⁹. В условиях отсутствия на Ижорском плато открытой воды и увлажненных почв засуха могла привести к голоду. Население переселялось в долины рек или переносило свои посевы и покосы на увлажненные почвы.

Таким образом, анализ антропонимического и ойконимического материала по-

⁴³ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 623.

⁴⁴ Кочуркина С.И., Спиридонов А.М., Джексон Т.Н. Письменные известия о карелах (X–XVI в.). Петрозаводск, 1990. С. 86.

⁴⁵ Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. № 20. 1950. С. 271.

⁴⁶ Фролов А.А. «Географический фактор» в организации государственных поземельных описаний конца XV — середины XVII в. // Книга картины земли: Сб. статей в честь И. г. Кононовой. М., 2014. С. 279.

⁴⁷ Селин А.А. Магистральные дороги Северо-Запада Новгородской земли в XVI–XVII вв. // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 91, 93.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 5 Вып. 2. М., 2000. С. 67.

⁴⁹ Бараш С.И. История неурожая и погоды в Европе. М., 1989. С. 168–175.

зволяет сделать вывод о существовании в Водской пятине нескольких центров, где концентрировалась прибалтийско-финская ономастическая традиция — это, прежде всего, Толдожский, Каргальский, Дудоровский и Ижорский погосты. Погосты располагались двумя анклавами. Толдожский и Каргальский погосты находились на юго-западном побережье Финского залива. Эта область ограничивается долинами рек Толдоги, Сумы и Систы, северо-западной частью Ижорского плато и

Сойкинскими высотами. Толдожский, соседний Ополецкий и отчасти Каргальский погосты, судя по археологическим данным, были местом компактного расселения води. Дудоровский и Ижорский погосты занимали территорию от юго-восточного берега Финского залива по южному берегу Невы. Здесь, видимо, проживала ижора. Кроме того, по ономастическим и археологическим данным ижора фиксируется в северном Приневье, южном Приладожье и на севере Новгородского уезда.

Библиография

Литература:

Бараш С.И. История неурожая и погоды в Европе. М., 1989.

Верховцев Д.В. Ускользающий этноним: ижора в письменных источниках // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Сб. статей. СПб., 2016.

Войтович М. Древнерусская антропонимия XIV–XV вв.: Северо-Восточная Русь. Poznan, 1986.

Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. № 20. 1950.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846. Т

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Конькова О.И. Водь: Очерки истории и культуры. СПб., 2009.

Конькова О.И. Ижора: Очерки истории и культуры. СПб., 2009.

Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н. Письменные известия о карелах (X–XVI в.). Петрозаводск, 1990.

Кюршунова И.А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010.

Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. Т. 3: Переписная оброчная книга Водской пятины, 1500 года: Первая половина. СПб., 1868.

Новожилов А.Г. Этническая ситуация на Северо-Западе Новгородской земли в XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. № 1–2. 2004.

Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года. // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851.

Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1. М., 1999.

ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2: Псковские летописи М., 2000.

Попов А.И. Следы времён минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.

Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.

Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований, 1971–1991 гг.). СПб., 2001.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских культурных связей: Историко-археологический очерк. СПб., 1997.

Сакса А.И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010.

Сакса А.И. Карелы в системе международной торговли в Восточной Прибалтике в Средние века // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. СПб., 2007.

Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // Советская археология. № 18.1953.

Селин А.А. Магистральные дороги Северо-Запада Новгородской земли в XVI–XVII вв. // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001.

Соболев А.И. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. . № 1 (18). 2015.

Фролов А.А. «Географический фактор» в организации государственных поземельных описаний конца XV — середины XVII в. // Книга картины земли: Сб. статей в честь И.Г. Коноваловой. М., 2014/

Чибисов Б.И. Дискуссии об информативных возможностях антропонимии для исследования этнической истории Древней Руси // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 6. . СПб., 2016.

Чибисов Б.И. «Лопское» население Новгородской земли в XV – первой трети XVI века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. № 4. 2018.

Сведения об авторе:

Чибисов Борис Игоревич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теологии Тверского государственного университета, г. Тверь (Россия). Область научных интересов: история Древней Руси.

E-mail: Chibisov.BI@tversu.ru

B.I. Chibisov

ETHNIC NICKNAMES OF THE INHABITANTS OF VODSKAYA PYATINA AT THE END OF THE 15TH CENTURY: ETHNO-HISTORICAL ASPECT

Annotation: The main source of anthroponymic data applied to Novgorod land at the end of the 15th century are cadastral books. The anthroponymic material contained in them from an ethnohistorical point of view is still underestimated. A special category of ancient Russian anthroponyms is nicknames derived from ethnonyms, meaning the Baltic-Finnish ethnic groups. The emergence of ethnonymic nicknames indicates that these nicknames were not only of territorial importance, but also indicated the ethnicity of their carriers.

Keywords: Novgorod Land, Vodskaya Pyatina, scribal books, anthroponymy, nicknames, Baltic-Finnish peoples.

References

Researches:

Barash S.I. Istoriya neurozhaev i pogody v Evrope [The history of crop failures and weather in Europe]. M., 1989. (In Russian).

Verhovcev D.V. Uskol'zayushchij etnonim: izhora v pis'mennyh istochnikah [Escaping ethnonym: Izhora in written sources] // Severo-Zapad: etnokonfessional'naya istoriya i istoriko-kul'turnyj landschaft: Sb. statej. St. Peterburg, 2016. (In Russian).

Vojtovich M. Drevnerusskaya antroponimiya XIV–XV vv.: Severo-Vostochnaya Rus' [Old Russian anthroponymy XIV–XV centuries: North-Eastern Russia]. Poznan, 1986. (In Poland).

Golubcov I.A. Puti soobshcheniya v byvshih zemlyah Novgoroda Velikogo v XVI–XVII vv. i otrazhenie ih na russkoj karte serediny XVII veka [Routes of communication in the former lands of Novgorod the Great in the XVI–XVII centuries. and their reflection on the Russian map of the middle of the XVII century] // Voprosy geografii, no 20, 1950. (In Russian).

Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Letters of Novgorod and Pskov]. M.-L., 1949. (In Russian).

Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arheograficheskoj komissiej [Additions to the historical acts, collected and published by the archaeographic commission], no 1, St. Peterburg, 1846. (In Russian).

Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskij dialect [Old Novgorod dialect]. M., 2004. (In Russian).

Kon'kova O.I. Vod': Ocherki istorii i kul'tury [Vod': Essays on history and culture]. St. Peterburg, 2009. (In Russian).

Kon'kova O.I. Izhora: Ocherki istorii i kul'tury [Izhora: Essays on History and Culture]. St. Peterburg, 2009. (In Russian).

Kochkurkina S.I., Spiridonov A.M., Dzhakson T.N. Pis'mennye izvestiya o karelah (X–XVI v.) [Written news about the Karelians (X — XVI century)]. Petrozavodsk, 1990. (In Russian).

Kyurshunova I.A. Slovar' nekalendarnyh lichnyh imen, prozvizhch i famil'nyh prozvanij Severo-Zapadnoj Rusi XV–XVII vv. [Dictionary non-calendar personal names, nicknames and family nicknames of North-West Russia XV–XVII centuries]. St. Peterburg, 2010. (In Russian).

Novgorodskie piscovye knigi, izdannye Arheograficheskoj komissiej [Novgorod scribal books, published by the Archaeographic Commission.], no 3: Perepisnaya obrochnaya kniga Vodskoj pyatiny, 1500 goda: Pervaya polovina. St. Peterburg, 1868. (In Russian).

Novozhilov A.G. Etnicheskaya situaciya na Severo-Zapade Novgorodskoj zemli v XV–XVI vv. [The ethnic situation in the North-West of the Novgorod land in the XV–XVI centuries] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya, no 1–2, 2004. (In Russian).

Perepisnaya okladnaya kniga po Novgorodu Vodskoj pyatiny. 7008 goda. Soobshchil kn. M.A. Obolenskij [Census loan book on Novgorod Vodskaya Pyatina. 7008 years. Reported Prince M.A. Obolensky] // Vremennik imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostej Rossijskih. Book. 11. M., 1851. (In Russian).

Piscovye knigi Novgorodskoj zemli [Scribble books of the Novgorod land], no 1, M., 1999. (In Russian).

PSRL. Vol. 5, no. 2: Pskovskie letopisi. M., 2000. (In Russian).

Popov A.I. Sledy vremyon minuvshih: Iz istorii geograficheskikh nazvanij Leningradskoj, Pskovskoj i Novgorodskoj oblastej [Traces of the past: From the history of the geographical names of the Leningrad, Pskov and Novgorod regions]. Leningrad, 1981. (In Russian).

Pribaltijsko-finskie narody Rossii [Baltic-Finnish peoples of Russia]. M., 2003. (In Russian).

Ryabinin E.A. Vodskaya zemlya Velikogo Novgoroda (rezul'taty arheologicheskikh issledovanij, 1971–1991 gg.) [Vodskaya Land of Veliky Novgorod (results of archaeological research, 1971–1991)]. St. Peterburg, 2001. (In Russian).

Ryabinin E.A. Finno-ugorskie plemena v sostave Drevnej Rusi: K istorii slavyano-finskih kul'turnyh svyazej: Istoriko-arheologicheskij ocherk [Finno-Ugric tribes in the composition of Ancient Russia: On the history of Slavic-Finnish cultural connections: Historical and archaeological essay]. St. Peterburg, 1997. (In Russian).

Saksa A.I. Drevnyaya Kareliya v konce I — nachale II tysyacheletiya n. e. Proiskhozhdenie, istoriya i kul'tura naseleniya letopisnoj Karel'skoj zemli [Ancient Karelia at the end of I — beginning of II millennium AD e. The origin, history and culture of the population of the chronicle Karelian land.]. St. Peterburg., 2010. (In Russian).

Saksa A.I. Karely v sisteme mezhdunarodnoj trgovli v Vostochnoj Pribaltike v Srednie veka [Karelians in the international trading system in the Eastern Baltic during the Middle Ages] // U istokov russoj gosudarstvennosti: Istoriko-arheologicheskij sbornik. St. Peterburg, 2007. (In Russian).

Sedov V.V. Etnicheskij sostav naseleniya severo-zapadnyh zemel' Velikogo Novgoroda (IX–XIV vv.) [Ethnic composition of the population of the north-western lands of Veliky Novgorod (IX — XIV centuries)], *Sovetskaya arheologiya*. 1953. № 18. P. 190–229. (In Russian).

Selin A.A. Magistral'nye dorogi Severo-Zapada Novgorodskoj zemli v XVI–XVII vv. [Trunk roads of the North-West of Novgorod land in the XVI — XVII centuries], *Ocherki istoricheskoi geografii. Severo-Zapad Rossii. Slavyane i finny* [Essays on historical geography. Northwest Russia. Slavs and Finns]. SPb., 2001. P. 86–99. (In Russian).

Sobolev A.I. Karel'skoe nasledie v toponimii YUgo-Vostochnogo Obonezh'ya [Karelian heritage in the toponymy of the South-Eastern Obonezh], *Voprosy onomastiki*. 2015. № 1 (18). P. 47–68. (In Russian).

Frolov A.A. «Geograficheskij faktor» v organizacii gosudarstvennyh pozemel'nyh opisaniy konca XV — serediny XVII v. [“Geographical factor” in the organization of state land descriptions of the late XV — mid XVII century], *Kniga kartiny zemli: Sb. statej v chest' I. G. Konovalovoj* [Book of the picture of the earth: Collection of articles in honor of I. G. Konovalova.]. M., 2014. P. 257–284. (In Russian).

Chibisov B.I. Diskussii ob informativnyh vozmozhnostyah antroponimii dlya issledovaniya etnicheskoi istorii Drevnej Rusi [Discussions about the informative possibilities of anthroponymy for the study of the ethnic history of ancient Russia], *Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. Al'manah* [Ancient Russia in time, in personalities, in ideas. Almanac]. SPb., 2016. no. 6. P. 453–462. (In Russian).

Chibisov B.I. «Lopskoe» naselenie Novgorodskoj zemli v XV — pervoj treti XVI veka [“Lop” population of Novgorod land in the XV — the first third of the XVI century] // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i social'nye nauki*, no 4, 2018. (In Russian).

About the author:

Chibisov Boris I., PhD, Senior Lecturer, Department of Theology, Tver State University, Tver (Russian).

E-mail: Chibisov.BI@tversu.ru